

УДК 94(47+57) «1917/1991»
ББК 63.3(2)622-284.1
С 17

Б.Н. Самбур,

аспирант кафедры философии, истории и педагогики Северо-Кавказского федерального университета, филиал в г. Пятигорске, тел.: +79283027355, e-mail: sambur.b@yandex.ru

ВОЕННЫЕ БУДНИ ПОДРОСТКОВОЙ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОКОВ (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬЯ)

(Рецензирована)

Аннотация. В статье прослежена динамика развития исследовательского интереса к проблеме подростков в годы Великой Отечественной войны в советской и российской историографии, обоснован вывод о необходимости активно использовать историческую память подростков и о подростках военной поры в деле патриотического воспитания современной молодежи. Кроме того, научное осмысление данной тематики расширит параметры событийной истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: подростки, Великая Отечественная война, борьба и труд, историческая память, поколение, современники.

B.N. Sambur,

Post-graduate student of Department of Philosophy, History and Pedagogy of the North Caucasus Federal University, Branch in Pyatigorsk, ph.: +79283027355, e-mail: sambur.b@yandex.ru

WARTIME DAILY LIFE OF TEENAGERS IN SOCIAL MEMORY OF CONTEMPORARIES (AS SHOWN BY STAVROPOL REGION)

Abstract. The paper discusses the dynamics of development of research interest in teenagers' problem in days of the Great Patriotic War in the Soviet and Russian historiography. A valid conclusion about need to actively use historical memory of teenagers and about teenagers of wartime in patriotic education of modern youth is proved. In addition, the scientific comprehension of this subject will expand parameters of event history of the Great Patriotic War.

Keywords: teenagers, Great Patriotic War, fight and work, historical memory, generation, contemporaries.

Социальная память призвана транслировать из поколения в поколение накопленный опыт, поэтому ее с полным правом можно назвать коллективной или исторической памятью. Однако она не является простой совокупностью памяти сотен тысяч людей, она наделена

совершенно новыми качествами и ориентирована, прежде всего, на сохранение социальных и духовных ценностей [1; 97-100].

Современная отечественная историческая наука развивается на основе четкой концепции, основанной на изучении и переосмыслении богатого

опыта российской и советской истории. Благодаря такому подходу, любая историческая проблема со временем становится социально значимой и жизненно необходимой, требующей комплексного подхода в контексте общеисторического процесса. С этих позиций проблема подростковой молодежи времен Великой Отечественной войны воспринимается в качестве совокупности сложных вопросов жизни целого поколения советских людей, которым предстояло формироваться в трудных социально-политических условиях, пережить несвойственные для их возраста лишения и невзгоды бороться за выживание и восстанавливать разрушенную войной страну.

Проблематика Великой Отечественной войны широко представлена в различных жанрах научного творчества, однако в этом многообразии работ присутствует некоторая предопределенность к подросткам военного периода. До сих пор нет официального признания их вклада в борьбу с агрессией и в победу над фашизмом. Юные солдаты и труженики тыла остались как бы за кадром той жестокой эпохи, несмотря на то, что тысячи подростков участвовали в боевых действиях, воевали в составе партизанских отрядов, работали на объектах промышленности и сельского хозяйства, строили оборонительные сооружения. Десятки тысяч подростков награждены орденами и медалями за мужество и самоотверженный труд. Все перечисленные критерии учтены в Федеральном законе «О ветеранах», но на подростковую молодежь того времени они не распространяются [2].

Основная причина заключается в отсутствии документального подтверждения участия подростков в боях и в работе в народном хозяйстве, поскольку по законам того времени формально они не могли быть ни активными участниками сопротивления, ни тружениками

тыла. Именно по этой причине в отчете Уполномоченного по правам человека в Ставропольском крае за десять лет деятельности не отмечено ни одного обращения по вопросу признания права на получение статуса «Участник Великой Отечественной войны» лицами 1930-1933 годов рождения [3], хотя в других регионах такие прецеденты еще отмечаются [4].

После войны официальные власти не признавали участия несовершеннолетних подростков в боевых действиях и использования их труда в годы войны, за исключением отдельных общеизвестных фактов. Если же взять, например, борьбу молодых величаевских подпольщиков на Ставрополье, то о них стало известно лишь в 1950-х годах благодаря активизации краеведческого движения в крае. Г.А. Беликов, автор очерков «Дети войны Ставрополья», считает, что в то время признавалась лишь деятельность по выполнению поручений партии, все, что не имело связи с партией, не относилось ни к актам сопротивления, ни к проявлениям патриотизма [5]. Соответственно, и сама проблема подростковой молодежи в годы войны рассматривалась главным образом в контексте общеисторических трудов по военной тематике или же в рамках анализа попечительской политики государства в отношении беспризорников и детей, оставшихся без родителей. Ряд работ был посвящен проблеме борьбы с детской преступностью и другими проявлениями асоциального поведения подростков. В них очень мало внимания уделяется вопросам выяснения степени их осознанности в борьбе с врагом, фактам самопожертвования, смелости и героизму отдельных представителей подростковой среды.

За рамками исторических исследований все еще остаются многие вопросы, связанные с истоками и мотивами бунтарских проявлений среди подростков по отношению к

попыткам установления новых порядков на оккупированных немцами территориях, фактам бесстрашия и присущей возрасту готовности к риску. Ученые так и не ответили на вопрос о том, как и почему вчерашние мальчишки и девчонки перед лицом опасности в одночасье повзрослели и изъявили желание встать на защиту ценностей взрослого мира. Они пришли в цеха заводов и фабрик, в колхозы и совхозы. После занятий в школах комплектовали средства химической защиты, продовольственные пайки, собирали металлолом, лекарственные растения, шили белье, гимнастерки, шапки, вязали варежки и носки. Тысячи подростков работали в госпиталях, ухаживая за ранеными бойцами, помогали им писать письма родным и близким, организовывали самодеятельные концерты, стараясь поднять дух и настроить на дальнейшую борьбу. Это далеко не полный перечень дел, которые легли на их плечи, но уже этот перечень свидетельствует о том, что подростки военного периода не остались безучастными к судьбе своей родины, они брали на себя посильные, а порой и непосильные обязанности, чтобы приблизить победу над врагом. В то время в этой победе никто не сомневался, несмотря на неудачное начало войны. Вполне вероятно, что эта вера послужила одним из главных факторов повышенной мобильности подростковой молодежи, невероятного роста ее самосознания и ответственности. Для них подвигом была сама жизнь в условиях жестокой войны, полная непредсказуемых опасностей.

Необходимость всестороннего исследования проблемы подростков в социально-политическом пространстве Великой Отечественной войны обусловлена не только научно-исторической актуальностью, но и общественной значимостью, поскольку она самым тесным образом связана с судьбами многих

поколений российских людей, прошедших через войну и вышедших из нее победителями. Она важна также и в плане сохранения памяти о погибших [6; 11-22]. Вопрос не только в потерянном детстве, дети вообще и дети войны, в частности, являются хранителями национальных традиций, которые передаются из поколения в поколение. Сегодня именно они стали связующим звеном между поколением победителей и современниками. Эти слова наполнены реальным смыслом и вполне соответствуют сложившимся нормам эволюции общественного развития. Заложенный в этих словах смысл нужно учитывать в социальной и политической практике, особенно в наши дни, когда в разных странах мира предпринимаются попытки переписать историю, героизировать нацизм, его представителей и сторонников, в том числе и в тех государствах, народы которых сами пострадали от агрессивной политики фашистской Германии во время Второй мировой войны.

Осознанно или нет, но подростки участвовали в событиях войны, они являлись свидетелями тяжелейших испытаний, выпавших на долю нашего народа. Подростки того времени хранят в памяти многочисленные лишения и невзгоды, для этого им не нужно было пройти сквозь лагерь и пытки, испытать на себе голод и унижение. Обычный быт в те годы был не менее жестоким, особенно в прифронтовой полосе и на оккупированных территориях, что навсегда отложилось в исторической памяти тех людей, которые прошли через войну. Это и есть та самая живая народная память, дающая самые объективные и достоверные представления о важнейших событиях истории. После победы над гитлеровским фашизмом эта память о всенародном подвиге стала одним из самых важных факторов консолидации общества, роста его самосознания, основой

патриотического воспитания молодежи. По сей день фактор победы в Великой Отечественной войне не утратил своего сплачивающего потенциала, он продолжает активно действовать, о чем свидетельствуют события, связанные с возвращением Крыма в состав Российской Федерации в 2014 году.

В этой связи возникает естественный вопрос о наличии потенциальных возможностей по использованию исторической памяти подростков войны в деле патриотического воспитания современной молодежи. В Ставропольском крае такие возможности имеются, однако используются они недостаточно эффективно и целенаправленно. Работа в этом направлении началась еще в конце 1980-х годов, когда в краевом центре был создан клуб, а затем и общество юных участников Великой Отечественной войны. Его учреждение состоялось на краевой встрече ветеранов в Пятигорске в начале сентября 1987 года. Председателем объединения был избран В.Я. Мовзалевский, который сам с 10-летнего возраста испытал на себе все тяготы и лишения военного лихолетья, а в тринадцать лет стал «сыном» казачьего полка, воевавшего в составе войск Северо-Кавказского фронта. Он же является автором нескольких книг, в которых собраны биографические и другие материалы о подростках Ставрополья, принимавших непосредственное участие в событиях Великой Отечественной войны [7].

Сегодня на территории Ставропольского края проживает около трехсот тысяч человек, чье детство прошло в условиях войны, в том числе около 250 человек, которые принимали непосредственное участие в боевых действиях [8; 8]. Это достаточно серьезный источник информации о жизни Ставрополья в годы войны и оккупации, в том числе о трудовых и боевых буднях подростковой молодежи. Такая информация необходима для

преодоления стереотипов, заложенных еще в советское время. Тогда весь смысл работы по организации патриотического воспитания подрастающего поколения сводился к деятельности пионерской организации в годы Великой Отечественной войны, которая, как указывалось в многочисленных изданиях и публикациях, воспитывала детей и подростков на идеях коммунистической партии, в результате чего наблюдался массовый героизм пионеров, особенно на временно оккупированных территориях СССР [9].

В современных условиях такие послышки представляются пропагандистской риторикой, попыткой использования идеологической конъюнктуры в воспитательных целях. Пионерские организации в 1930-1940-е годы действительно отличались общественной активностью, брались за важные и нужные в то время дела. Однако после начала войны многие дома пионеров были закрыты по причине сложного положения дел на фронте, работа с детьми была сведена к деятельности пионервожатых в школах и детских домах, где еще сохранились организованные дружины. Многие подростки самостоятельно прекратили посещение занятий, поскольку им приходилось помогать взрослым или просто работать вместо отцов и старших братьев, ушедших на фронт [10].

Неоднозначной является и проблема государственной заботы о детях во время Великой Отечественной войны. В имеющихся по этому поводу официальных документах, вероятнее всего, были заложены естественные намерения власти облегчить участь детей в сложной ситуации. Однако практическое решение этой задачи наталкивалось на непредвиденные обстоятельства, вызванные противоборством с жестоким агрессором. В результате в основу официальной версии о положении детей в годы войны были положены законодательные

и нормативно-правовые акты, принимавшиеся в инстанциях разного уровня, тогда как в реальности дела обстояли совсем иначе. Повзрослевшие мальчишки и девчонки рассказывали потом, что им пришлось испытать на себе все тяготы войны, в том числе и по причине изъятия властями продовольственных запасов для нужд армии из общественных фондов. Отсюда и появились необъективные суждения по проблеме военного детства, как в литературном, так и в научном творчестве, которые в возвышенных тонах оценивали социальную политику партии и государства [11; 20-29].

С наступлением новейшей российской эпохи исследовательская работа стала приобретать черты творческой деятельности, которая потребовала от ученых не просто использовать накопленные в архивных фондах материалы, а самостоятельно заниматься сбором, анализом и систематизацией эмпирических данных. Альтернативой официальному делопроизводству стало обобщение воспоминаний, свидетельств, анализ документов личного происхождения, что положительно отразилось на междисциплинарной интеграции исследовательских методик к рассмотрению отдельных событий и фактов, значительно облегчило объединение событийного и человеческого подходов к рассмотрению исторических проблем. Положительные результаты смены методологической парадигмы не заставили себя долго ждать. Не отрицая стремления и значимости усилий государства по оказанию помощи детям и подросткам, ученые вскрыли многочисленные просчеты и трудности в их продовольственном и других видах обеспечения. Сделанные выводы никак не увязывались с традиционными представлениями о благополучном положении дел в организованной детской и подростковой среде. В местах их проживания порой не хватало самого необходимого,

а установленный рацион питания далеко не всегда соответствовал нормам и биологическим потребностям детей [12; 305-309].

Еще одна проблема, которая ранее освещалась с позиций советского позитивизма, – это борьба с детской беспризорностью, масштабы которой во время Великой Отечественной войны превысили все допустимые пределы. После победы совокупная численность беспризорников в стране превышала полумиллионную отметку [13; 147]. Послевоенное советское общество было знакомо с этой проблемой и было уверено в том, что она решается социальными рычагами государственной политики. Строились детские дома, поощрялась практика попечительства и опекунов, в каждом регионе создавались соответствующие комиссии. Тем самым общество убеждалось в том, что борьба с беспризорностью протекает в плановом гуманитарном русле и преследует цель полного искоренения этого зла из советской действительности. Как оказалось, далеко не все в этом отношении шло гладко. По сути, гражданские институты занимались только учетом беспризорных детей, а основную работу по профилактике и искоренению беспризорности осуществляли органы внутренних дел. После установления факта сиротства беспризорников распределяли в зависимости от возраста и физического состояния на работы в промышленность, сельское хозяйство, на транспорт или же отправляли на учебу в учреждения профессионально-технического образования. Часть подростков направлялась в воспитательные трудовые колонии, появившиеся в СССР еще в середине 1930-х годов для малолетних нарушителей законов. Тогда же ЦИК и Совнарком приняли совместное постановление «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». Документ определял уголовную ответственность для подростков, начиная

с 12-летнего возраста, за кражи, нанесение телесных повреждений, убийство и некоторые другие преступления [14].

В соответствующем приказе НКВД по этому поводу отмечалось, что органы правопорядка должны добиться такого положения, «чтобы на улицах не было ни одного беспризорного, чтобы они были размещены в трудколониях и приобщены к труду» [15; 187]. Пик выполнения данного приказа пришелся на 1939 год, когда к уголовной ответственности были привлечены свыше 24 тысяч несовершеннолетних подростков. Для сравнения отметим, что после окончания войны в колониях для несовершеннолетних содержалось более 20 тысяч человек [16; 101-112]. За годы войны было задержано почти 229 тысяч беспризорников. Что касается детской преступности, то ее уровень не превышал 5% от общего числа преступлений, совершенных в стране. В свою очередь, из числа привлеченных к уголовной ответственности несовершеннолетних подростков беспризорные составляли лишь 13%. Остальные воспитывались в семьях, работали на предприятиях или учились в ремесленных училищах [17; 5-7].

Данная статистика, естественно, нуждается в дополнительном анализе, прежде всего, на предмет выяснения истинных причин подростковой преступности в годы Великой Отечественной войны, а также определения роли государственных и общественных институтов в продекларированной борьбе с беспризорностью как социальным пороком, присущим советскому строю, но не признанным партийной властью.

К тому же есть еще одна проблема, на которую хотелось бы обратить внимание, поскольку она тесно связана с судьбой несовершеннолетних подростков во время войны. Речь идет об эвакуации детей и детских учреждений с территорий,

находившихся под угрозой оккупации. Эта тема также пользовалась большой популярностью у советских исследователей, и вновь они проявили солидарность в том, что процесс эвакуации проходил под руководством партии своевременно и организованно. Конечно, такая характеристика эвакуации была желаемой, но, к сожалению, ни в целом, ни в частных случаях она не может быть признана успешной. С самого начала войны спецэшелонами вывозили детей на восток и на юг страны с западных территорий, из крупных промышленных центров и столичных городов, где им угрожала смертельная опасность. Часть детских учреждений была вывезена на Северный Кавказ, в том числе и в Орджоникидзевский край, который летом 1942 года был захвачен немецкими войсками. В результате возникла необходимость эвакуировать не только население и народнохозяйственный потенциал, но и прибывших незадолго до этого в край предприятия и учреждения из других регионов страны, в том числе детские дома.

Этот процесс на Ставрополье вообще не был предусмотрен, а потому ни о какой организации не могло быть и речи. Все происходило спонтанно, в суете и спешке. Как следствие, были вывезены только 8 от общего количества детских учреждений, размещенных к тому времени на территории края [18; 68-71]. Из-за недостатка транспорта и несогласованности действий между руководителями учреждений и краевым штабом по эвакуации, подавляющая часть детей вынуждены были пешком уходить в Кабардино-Балкарию и Дагестан (600-900 км), откуда их отправляли в безопасные места. Многие детские дома были отправлены через морской порт Красноводск в республики Средней Азии, Казахстан и Сибирь. Сборы проходили в такой спешке, что дети не были обеспечены ни одеждой, ни питанием, все эти вопросы

приходилось решать в пути следования. Из 43 детских учреждений, находившихся в Орджоникидзевском крае, в Красноводск прибыли только 26 детских домов, 1 детский приемник и 4 спецшколы для слепых и глухонемых детей [19; л. 114-120.]. Более того, подростки из детских домов Ставрополя, покидавшие край пешком, перегоняли крупнорогатый скот, в то время как в наспех созданных пунктах питания их кормили один раз в сутки. На оккупированной территории края остались Машукский, Невинномысский, Кисловодский, Криворожский, Петровский и Буденновский детские дома [20; 21-22]. Советские историки не имели доступа к такой информации, поэтому судьба воспитанников этих домов осталась за рамками научного анализа.

Подводя итоги, следует отметить, что в настоящей статье представлен далеко не полный перечень проблемных вопросов, связанных с жизнью подростковой молодежи в годы Великой Отечественной войны, которые в современных условиях подлежат не просто переосмыслению, а требуют новых трактовок и оценок, соответствующих

реалиям исследуемого периода. Сегодня, как никогда, важно воссоздавать объективную картину о славных подвигах советских людей, в том числе и подростков, в борьбе с фашизмом, в целях повышения консолидирующей роли исторической памяти. Современные либералы могут возразить, что имеется опасность подмены партийной идеологии советского периода на государственную идеологию современной России. Возможно и так, но российская государственная идеология всегда опиралась на правду, какой бы горькой она ни была. Одним из факторов победы над фашизмом стал всенародный характер войны. Не осталась в стороне и подростковая молодежь. Ее боевые и трудовые подвиги должны стать ориентиром научного поиска для историков и представителей смежных гуманитарных дисциплин. Необходимо взглянуть на эту научную проблему с позиций современного знания, что позволит значительно расширить параметры исторической памяти и событийную историю Великой Отечественной войны новыми именами и фактами.

Примечания:

1. Ребане Я.К. Принцип социальной памяти // *Философские науки*. 1977. № 5. С. 97-100.
2. О ветеранах: федер. закон от 12.01.95 № 5-ФЗ (ред. от 28.11.2015 с изменениями, вступившими в силу с 01.01.2016). URL: <https://www.referent.ru/1/264049>
3. Селюков А.И. 10 лет деятельности уполномоченного по правам человека в Ставропольском крае: доклад. Ставрополь: Б/и, 2013. 64 с.
4. Решение о признании права на получение статуса «Участник ВОВ» от 09.09.2009 г. гражданина Д., 1931 года рождения. URL: http://efremovsky.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=197.
5. Красуля В. Замкнутый круг // *Открытая газета*. 2010. № 16. 28 апреля – 5 мая.
6. Афанасьева А.И., Меркушин В.И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // *Социологические исследования*. 2005. № 5. С. 11-22.
7. ГАСК. Ф. Р-6279. Личный фонд В.Я. Мовзалевского. Д. 1-25. 1965-2001 гг.
8. Юный краевед. 2013. № 5. С. 8.
9. Лебединский В.В. Пионерские организации в годы Великой Отечественной войны // *Советская педагогика*. 1975. № 2. С. 61-65; Глушко М. Юные патриоты в Великой Отечественной войне (по материалам газеты «Пионерская правда», 1941-1945 г.) // *Воспитание школьников*. 2005. № 6. С. 60-65.

10. Шевченко В.Д. Детство, опаленное войной: повесть. Ставрополь: Краевая типография, 2000. 40 с.
11. Сеницын А.М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1969. № 6. С. 20-29.
12. Зинич М.С. Люди и власть: решение социальных проблем в годы Великой Отечественной войны // Личность, общество и власть в истории России: системный компаративный анализ. М.: Изд-во РУДН, 1998. С. 305-309.
13. Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945 / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 2003. 472 с.
14. Правда. 1935. 8 апреля. С. 1.
15. Об организации работы по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности: приказ Народного комиссара внутренних дел СССР № 071 // Дети ГУЛАГА. 1918-1956 / под ред. А.Н. Яковлева; сост. С.С. Виленский [и др.]. М.: МФД, 2002. С. 187.
16. Кокурин А.И., Петров Н.В. МВД: структура, функции, кадры. Статья шестая (1946-1953) // Свободная мысль. 1997. № 12. С. 103.
17. Емелин С.М. Борьба с несовершеннолетней преступностью в годы Великой Отечественной войны // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. № 1 (27). С. 5-7.
18. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – январь 1943 гг.). Ростов н/Д: СКНЦВШ, 2003. 564 с.
19. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 33. Л. 114-120.
20. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.): документы и материалы / сост. В.А. Водолажская. Ставрополь: Кн. изд-во, 2000. С. 21-22.

References:

1. Rebane Ya.K. The social memory principle // Philosophical sciences. 1977. No. 5. P. 97-100.
2. Federal Law of 12.01.95 No. 5-FZ (ed. of 11.28.2015 with changes that came into force on 01.01.2016) “On Veterans” // <https://www.referent.ru/1/264049>
3. Selyukov A.I. 10 years of the Commissioner for Human Rights in the Stavropol region: a report. Stavropol: Publishing house is unspecified, 2013. P. 64.
4. Resolution on the recognition of the right to receive the status of “The Participant of The Great Patriotic War” of 09.09.2009 of citizen D., born in 1931 // http://efremovsky.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=197
5. Krasulya V. A closed circle // Otkrytaya gazeta. 2010. No. 16. April, 28 – May, 5.
6. Afanasyeva A.I., Merkushev V.I. The Great Patriotic War in the historical memory of Russians // Sociological studies. 2005. No. 5. P. 11-22.
7. GASK. F.R-6279 – Personal fund of V.Ya. Movzalevsky. D. 1-25. 1965-2001.
8. Junior ethnographer. 2013. No. 5. P. 8.
9. Lebedinsky V. Pioneer organizations in the years of the Great Patriotic War // Soviet pedagogy. 1975. No. 2. P. 61-65; Glushko M. Young patriots in the Great Patriotic War (based on the materials of the newspaper “Pionerskaya pravda”, 1941-1945) // Education of pupils. 2005. No. 6. P. 60-65.
10. Shevchenko V.D. Childhood, scorched by war: a story. Stavropol: Regional printing house, 2000. 40 pp.
11. Sinitsyn A.M. Taking care of street and homeless children in the USSR during the Great Patriotic War // Problems of history. 1969. No. 6. P. 20-29.
12. Zinich M.S. People and power: the solution of social problems in the Great Patriotic War // Person, society and power in the history of Russia: a systematic comparative analysis. М.: Publishing house of People’s Friendship University, 1998, P. 305-309.

13. Soviet everyday life and mass consciousness. 1939-1945 / Comp. by A.Ya. Livshin, I.B. Orlov. M.: ROSSPEN, 2003. P. 147. 472 pp.

14. Pravda. April, 8. 1935. P. 1.

15. Order of the People's Commissar of Internal Affairs of the USSR No. 071 "On the organization of work on the elimination of children's homelessness and neglect" // Children of GULAG. 1918-1956 / Ed. by A.N. Yakovlev, comp. by S.S. Vilensky, ect. M.: MFD, 2002, P. 187.

16. Kokurin A.I., Petrov N.V. MIA: structure, functions and personnel. Article Six (1946-1953) // Svobodnaya mysl. 1997. No. 12. P. 103.

17. Emelin S.M. Fight against minor crime in days of Great Patriotic war // Questions of Juvenile Justice. 2010. No. 1 (27). P. 5-7.

18. Linets S.I. The North Caucasus before and in the period of fascist occupations: a state and features of development (July, 1942 – January, 1943). Rostov-on-Don: SKNTsVSh, 2003. 564 pp.

19. State Archive of Stavropol Region (GASK). Т. R-1852. Оп. 12. Д 33. L. 114-120.

20. Stavropol Region during fascist occupation (August, 1942 – January, 1943): documents and materials / Ed. V.A. Vodolazhskaya. Stavropol: Book Publishing House, 2000. P. 21-22.